

В. Г. Белинский

Литературные и журнальные заметки

Виссарион Григорьевич Белинский

Литературные и журнальные заметки

«Успех «Отечественных записок», ставших теперь довольно высоко в мнении публики, естественно, не мог не возбудить к ним нерасположения со стороны всех изданий, которым хотелось бы добиться успеха. Мы не будем повторять ни того, какая ожесточенная неприязнь встретила, назад тому около семи лет, только одну программу «Отечественных записок», ни того, каким оружием в первые годы существования нашего издания действовали против него старые и новые журналы, не без причины его испугавшиеся, – все это известно публике. Теперь обстоятельства переменились, но вражда к «Отечественным запискам» не кончилась: она только изменила образ своих нападений,сообразно с обстоятельствами...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Литературные и журнальные
заметки**

Успех «Отечественных записок», ставших теперь довольно высоко в мнении публики, естественно, не мог не возбудить к ним нерасположения со стороны всех изданий, которым хотелось бы добиться успеха. Мы не будем повторять ни того, какая ожесточенная неприязнь встретила, назад тому около семи лет, только одну программу «Отечественных записок», ни того, каким оружием в первые годы существования нашего издания действовали против него старые и новые журналы, не без причины его испугавшиеся, – все это известно публике. Теперь обстоятельства переменились, но вражда к «Отечественным запискам» не кончилась: она только изменила образ своих нападений, сообразно с обстоятельствами. Зная, что «Отечественные записки» не любят полемики и снисходят до объяснений не всегда и не со всяким, наши противники уже не прибегают к суждениям для унижения «Отечественных записок», но, как будто по взаимному и безмолвно выраженному согласию, позволяют себе или приписывать «Отечественным запискам» то, чего они никогда и не думали, или давать их словам и на-

мерениям такой смысл, какого они никогда не имели. Между множеством примеров подобных проделок указываем на две выходки двух изданий, во всех отношениях различных, но в отношении к «Отечественным запискам» соединенных нежною симпатиею: мы говорим о «Северной пчеле» и «Москвитянин».

В № 88 «Северной пчелы» нынешнего года, в фельетоне, сказано, между прочим, будто бы «Отечественные записки», вместе с «Репертуаром» и его «Театральною летописью» {1}, выходят из границ в своих нападках на г. Каратыгина (первого трагического актера на Александрийском театре). Эти нападки «Отечественных записок» не что иное, как чистое изобретение «Северной пчелы»: в «Отечественных записках» разбираются только пьесы, играемые на Александринском театре, но не игра актеров. Если же нам и случалось изредка упоминать о г. Каратыгине по поводу какой-нибудь пьесы, то не иначе, как для того, чтоб похвалить его игру. На все это мы можем представить печатные доказательства, тогда как «Северная пчела» не может предста-

вить ни одного. Еще недавно, по поводу брошюры, заключающей в себе биографию г-жи Каратыгиной, мы сказали, что г. Каратыгин и г-жа Каратыгина не имеют себе соперников на сцене Александрийского театра, что г. Каратыгин несравненно выше всех других трагических актеров этого театра[1]. Где же наши нападки на знаменитого артиста?.. Но таковы все нападки «Северной пчелы» на «Отечественные записки»... Так, например, она беспрестанно силится уверить своих читателей, будто бы «Отечественные записки» унижают все литературные авторитеты, ничего не хотят видеть в Державине и Жуковском... Подобные выходки со стороны «Северной пчелы» нисколько не должны казаться удивительными, если вспомним, что каждый фельетон этой газеты наполнен уверениями, что он, фельетон, за правду готов умереть... Даже в фельетоне того же 88 № «Северной пчелы» мы прочли следующие замечательные строки: «Господа, помните, что «Северная пчела» не обязана хвалить кого бы то ни было, не знает ни дружбы, ни вражды и хвалит, когда хорошо, а когда будет худо, скажет с та-

кою же откровенностью... Несчастный порок «Северной пчелы» – как за перо, все отношения и сношения забыты; да уж исправляться поздно!» Нужно ли по поводу этих строк пускаться в рассуждения, до какой степени заслуживает доверия тот, кто прежде, нежели что-нибудь скажет или расскажет, чувствует необходимость побожиться, что он всегда говорит правду?..

По примеру «Северной пчелы», «Москвитянин», между прочим, взводит на «Отечественные записки» вину неуважения к авторитетам русской литературы... Это обвинение «Москвитянина»... Но начнем с начала.

Всем известно, что с нынешнего, 1845 года «Москвитянин» решился возродиться, – обстоятельство, которое заставило нас не без любопытства ожидать первой книжки этого журнала, в который мы так давно уже не заглядывали{2}. В феврале появилась в Петербурге январская книжка «Москвитянина». Глядим: все то же, что и было: та же толстая бумага, то же множество опечаток, то же отсутствие орфографии[2], те же стихи г. Михаила Дмитриева, та же проза г. Иванчина-Писарева, но

обертка другая...{3} Наудачу принялись мы за чтение критической статьи «Обозрение современного состояния литературы», под которой выставлена литера К. (на обертке означено, что это статья г. И. Киреевского). Нет: это не то, что было! Несмотря на ложное основание и произвольные выводы в этой статье, – в ней высказано много дельного, верного, умного о современном состоянии Европы, и высказано с знанием дела, талантом и тем чувством достоинства, которые всегда заинтересовывают читателя в пользу автора и которых мы никогда не встречали в сочинениях наших так называемых *славянофилов*. Хотя мы тут не нашли ничего нового, но – повторяем – не новое было высказано с таким мастерством, какое очень редко встречается в оригинальных статьях русских писателей. Эта статья тем сильнейшее произвела на нас впечатление, что все другие оригинальные статьи в книжке отличались качествами совершенно противоположными. – Наконец, прочли мы во второй книжке «Москвитянина» продолжение этой статьи: те же недостатки и те же достоинства. Дело идет пока все о Европе;

о русской литературе еще ни слова. С нетерпением ждали мы третьей книжки, где должна быть третья статья, посвященная уже обзору современной русской литературы. Нам приятно было думать, что, во-первых, услышим суждение о нас самих от человека совершенно другого образа мыслей, другого убеждения, который умеет защищать то и другое с беспристрастием и достоинством, следовательно, сумеет отдать должную справедливость даже людям, которых убеждения противоположны его собственным и которых убеждения он опровергает. Сверх того, мы надеялись узнать наконец, в чем состоит эта доктрина славянофильства, которая до сих пор все только обещала высказаться, а между тем пряталась за какими-то намеками и бранчивыми фразами, и которой сущность, казалось, состояла только в том, чтоб не признавать ни ума, ни сердца, ни знания, ни таланта у людей, не обольщающихся честью быть славянофилами. Вот наконец, думали мы, явился в этой литературной котерии человек, который если и не разубедит нас в наших убеждениях и не заставит нас принять

его убеждения, – все же по крайней мере заставит нас уважать учение, которого он и поборник и представитель, – заставит нас уважать это учение манерою, которою он защищает его, и даже тем самым, что он сам принадлежит ему и душою и телом. Мы веруем в великую истину, что достоинство всякой доктрины больше всего познается по достоинству лиц, которые ей следуют. И вот наконец *мартовская* книжка благополучно достигла берегов Невы в последних числах *апреля*, и мы прочли эту третью статью, ожидаемую нами так долго и с таким нетерпением.

Прочитав ее, мы очень неприятно были поражены... ее больше чем легкостью, ее – извините – пустотою. От этого две первые статьи, служащие введением к ней, показались нам похожими на тот великолепный греческий портик, заслоняющий ветхую крестьянскую избу, который изображен на виньетке «Тарантаса» графа Соллогуба (стр. 35){4}. Статья состоит из суждения о современных русских журналах. Сказав свое мнение о «Библиотеке для чтения», автор вдруг переходит к «Маяку» и «Отечественным запискам» и на-

чинает судить об этих изданиях, сравнивая их одно с другим. В «Маяке» он видит преувеличенную крайность восточного, а в «Отечественных записках» западного направления и уверяет, будто тому нет нужды читать «Отечественные записки», кто читает «Маяк», и наоборот, потому-де, что, «не читая одного журнала(,) можно знать его мнения из другого, понимая только все слова его в обратном значении». В этих словах, лишенных всякой вероятности, явно видно неудавшееся усилие сказать остроту: в самом деле, трудно в одно и то же время насильно сохранять спокойствие, которого нет внутри, и весело шутить... В таком принужденном положении не удаются остроты... Кто же поверит, чтоб автор статьи сам верил собственным словам?.. Мы «Маяка» не читаем и едва знаем о его существовании;{5} нам нельзя даже и противоположно сталкиваться с ним в суждениях, потому что мы никогда не говорим о том, о чем он говорит. Характер нашего журнала чисто литературный, а не теологический{6}. Общего между «Маяком» и «Отечественными записками» ничего нет, и сводить эти два журнала

невозможно ни под какими точками зрения. Другое дело сличить «Маяк» с «Москвитянином»: кто б отважился на такой труд, тот мог бы сделать выводы по крайней мере забавные. Вместе с «Москвитянином» отдавая полную справедливость остроумию «Библиотеки для чтения», мы думаем, что она могла бы превосходно выполнить эту задачу... Что касается до нас, нам по этому предмету известно только, что «Маяк», ничем не разнясь от «Москвитянина» ни в духе, ни в направлении, превосходит его в последовательности и верности своим собственным началам. Это доказывается тем, что, как слышно, по его добродушному убеждению, Карамзин, Жуковский, Батюшков и, особенно, Пушкин испортили русский язык и ввели в русскую литературу вместо поэзии *мишуру*, но что честь спасения русского языка и русской поэзии принадлежит сотrudникам «Маяка»{7}, которых имен мы теперь не можем припомнить, а наводить о них справки считаем трудом бесполезным. По поводу же «Маяка» так же не может быть вопроса об «Отечественных записках», как по поводу «Отечественных записок»

не может быть вопроса о «Маяке». Для изучения Европы кто же ездит в Китай, и наоборот?.. Впрочем, все это очень хорошо знает сам автор статьи «Москвитянина», и нам, право, грустно видеть, что он поставил себя в необходимость делать вид, будто этого не знает и будто говорит искренно. Сам он уверяет в своей статье, что «Маяк» нападает на «Отечественные записки», но что «Отечественные записки» мало заботятся о «Маяке», как журнале, и даже редко говорят о нем. Но в то же время прибавляет, будто «Отечественные записки» постоянно имеют в виду направление «Маяка» и крайности его направления стараются противопоставить крайность другого направления. Чему же верить? И верит ли сам автор собственным словам своим?..

По словам г. Киреевского, «Отечественные записки» только и делают, что гоняются за мнениями Запада, которых не понимают сами. Чтоб «Отечественные записки» гонялись за Западом, это едва ли правда. «Отечественные записки» находятся в том же самом отношении к Западу, в каком находится к нему все русское общество. Русский крестьянин

старается подражать немецкой работе; русский помещик хлопочет о рациональном хозяйстве и иногда едет за границу для изучения его или читает иностранные сочинения по хозяйственной части; молодой ученый едет в Европу для довершения своего образования; все следят за ходом наук, искусств, ремесл, открытий, даже мод и форм жизни на Западе. Что же удивительного, если «Отечественные записки» делают то же самое в той мере, в какой это нужно и полезно для русского журнала, связанного, впрочем, с историческим развитием отечественной литературы и обязанного удовлетворять потребностям русского общества?

Но вот самое смелое и оригинальное *изобретение* «Москвитянина» насчет «Отечественных записок». Слушайте! слушайте! «Так, в сфере литературы заметили «Отечественные записки», что на Западе *не без пользы* для успешного движения образованности были уничтожены некоторые *незаслуженные* авторитеты, и, *вследствие этого замечания*, они стремятся унижить все наши известности, стараясь уменьшить литературную репутацию

цию Державина, Карамзина, Жуковского, *Баратынского*, Языкова, Хомякова, и на месте их перевозносятся И. Тургенева и Ф.(?) Майкова, поставляя их таким образом в одну категорию с Лермонтовым, который, вероятно, сам избрал бы себе не это место в литературе нашей»[3]{8}.

Тут нет правды ни в одном слове. Автор так смешался в умышленном своем *изобретении*, что начал порицание «Отечественных записок» похвалою им выше меры, приписав им первым честь *полезного* уничтожения *незаслуженных* авторитетов. Торжественно отказываемся от чести прекрасного, но, увы! не принадлежащего нам подвига. Этот подвиг принадлежит покойному профессору Московского университета Мерзлякову, человеку известному и теперь, а в свое время игравшему важную роль в русской литературе. Он первый напал на незаслуженные авторитеты Сумарокова и Хераскова, особенно последнего {9}. В деле полезного уничтожения незаслуженных авторитетов заслуживает почетного упоминования «Московский телеграф», журнал, имевший в свое время большое влияние

на общественное мнение. Что же касается до манеры выговаривать прямо и без уверток свое мнение о великих писателях, – и в этом «Отечественные записки» были упреждены гораздо задолго до своего появления. Пусть вспомнит г. Киреевский, что и как писывалось о Карамзине в «Московском вестнике» г. Погодина{10} и «Московском телеграфе» г. Полевого;{11} что и как писывалось о Пушкине в «Вестнике Европы» 1829 и 1830 годов{12}. Для чего же тут было «Отечественным запискам» ходить на Запад за советом, когда примеров так много было дома? Зачем было г. Киреевскому так хитро объяснять самое обыкновенное дело?

Ведь ларчик просто открывался!
{13}

На Державина, Карамзина и Жуковского, особенно последнего, «Отечественные записки» никогда не нападали: эти нападки – чистое произведение изобретательности г. Киреевского. «Отечественные записки» всегда преклонялись перед самородным гением Державина и великими заслугами русской лите-

ратуре и русскому обществу Карамзина и Жуковского; но они делали это не бессознательно, а старались отделить в творениях этих писателей их значение безусловное (то есть художественное) от значения исторического и показать меру того и другого. Где же тут посягательство на унижение известностей? Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Дмитриева, Крылова, Озерова, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Грибоедова, Гоголя и Лермонтова мы считаем писателями высшего разряда, писателями первоклассными, — одних по историческому достоинству их произведений, то есть по влиянию их на свою эпоху, других и по историческому и по художественному значению вместе. В ряду этих имен мы никогда не решимся поставить никакого другого имени. Так, например, мы очень уважаем Баратынского, как поэта, в сочинениях которого отразилась личность, возбуждающая к себе в читателе и сочувствие и уважение, но никогда не включим его в один ряд с Державиным и Жуковским. Для него есть место, и притом почетное, в другом ряду русских писателей. Что же касается до гг. Язы-

кова и Хомякова, особенно последнего, мы, право, не знали, что и они – тоже великие авторитеты и что нападать на них – все равно, что нападать на Державина и Жуковского... Мы знаем, что в свое время г. Языков пользовался большою известностью и что теперь он пишет весьма посредственные стихи; но кто же в свое время не пользовался большою известностью? вспомните Сумарокова, Петрова, Хераскова... Относительно же г. Хомякова мы не помним, чтоб он когда-нибудь пользовался особенною известностью, кроме той, которой у нас так легко добиться всякому талантливому версификатору... Жуковский и г. Хомяков – помилуйте! да это – Эльбрус и Поклонная гора! Да после этого чем же не великий поэт, чем же ниже Жуковского или Державина и г. Михаил Дмитриев? На место Державина и Жуковского мы никогда не ставили гг. И. Тургенева и А. Майкова: эта перестановка есть чисто сочинение г. Киреевского. Неужели похвалить поэму молодого поэта значит – поставить его рядом с Державиным, Жуковским и Лермонтовым?{14} Право, это логика особенного рода![4]

Спрашиваем еще раз: где, когда унижали мы Державина, Жуковского, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя? Сколько раз случилось нам слышать упреки за похвалы Пушкину, Гоголю и Лермонтову! Хотя бы г. Киреевский настолько уважал святость истины, чтоб хоть этих трех, им самим уважаемых писателей, исключил из числа будто бы унижаемых нами!

Унизив *таким образом* своим изобретением «Отечественные записки», г. Киреевский превознес зато «Современник». «Для писателей (говорит он) менее известных помещение статей (*чьих?*) в «Современнике» есть уже некоторое право на уважение публики». Но потом прибавляет, что направление «Современника» исключительно литературное, отчего «образ его воззрения на вещи находится в некотором противоречии с его названием», потому что «в наше время достоинство чисто литературное не составляет существенной стороны литературных явлений»{15}. Вот вам и похвала г-на Киреевского...

Не поздоровится от таких похвал!{16}

Итак, сам «Современник», несмотря на все его чрезвычайные достоинства, далеко не таков, каким должен быть, по идеалу г. Киреевского, настоящий русский журнал! Где же искать его? А вот послушаем г. Киреевского; он укажет нам, где лежит якорь спасения: «С некоторого времени в одном уголке литературы нашей начинается уже важное изменение» и т. д. {17} Этот уголок ни больше ни меньше, как – «Москвитянин»! *Важное изменение* – ни больше ни меньше, как коренное преобразование всей русской литературы: благодаря «Москвитянину» наша литература скоро совсем перестанет быть подражательною и в оригинальности не уступит ни французской, ни английской, ни немецкой. И все это сделает «Москвитянин» и его сотрудники!.. Мы думали, что наша литература еще со времени появления Пушкина обнаружила живое и небесплодное стремление из подражательной стать национальной; мы думали, что в этом отношении заслуги Пушкина безмерны и что в Гоголе русская литература имеет самого национального писателя... Мы обманывались: до «Москвитянина», преобразо-

ванного в нынешнем году, не было русской литературы: она начинается с него, с января месяца 1845 года!..

«Теперь (говорит автор статьи) уже не может быть ни вольтерянцев, ни жан-жакистов, ни жан-павлистов{18}, ни шеллингианцев, ни байронистов, ни гетистов, ни доктринеров{19}, ни исключительных гегелианцев: теперь каждый должен составлять себе свой собственный образ мыслей, и, следовательно, если не возьмет его из всей совокупности жизни, то всегда останется при одних книжных фразах»{20}.

Вот что правда, то правда! Только нельзя и эту правду принять безусловно, без всяких ограничений. Конечно, иметь свой образ мыслей лучше, нежели жить чужим убеждением; но это для того, кто может иметь свое убеждение, ибо способность иметь свое убеждение есть своего рода талант, который дается природою. Есть люди, которые только до тех пор и умны, пока их одушевляет мысль увлекшего их авторитета. Но как скоро они выдумают какое-нибудь свое собственное убеждение, родят свою собственную мысль, –

тут их и гибель! Чем нелепее эта мысль, тем с большим фанатизмом веруют они в нее. Если им случится найти человек десяток послабее себя, тогда они видят в себе великих реформаторов и в своей мысли – возрождение мира.

Жаль, очень жаль, что такой умный, ученый и талантливый писатель, как г. Киреевский, до такой степени допустил себя увлечься убеждением в истинности своего странного и неопределенного направления, что отказывается от способности не только отдавать должную справедливость людям, не разделяющим его убеждений, но даже позволяет себе выдумывать на их счет небылицы! Или уж таково свойство литературной его доктрины, что ее нельзя иначе защищать, как несправедливостью и неправдою?.. В таком случае еще больше жаль, что такой писатель, как г. Киреевский, увлекся таким жалким литературным убеждением!..

Нет, мы с гордостью можем сказать о себе, опираясь не на словесные уверения, а на печатные факты, что мы не так действуем, не так развиваем свои убеждения, каковы бы они ни были. Мы умеем отдавать должную

справедливость и людям противных нам убеждений, и сочинениям, писанным не в нашем направлении. Г-н Киреевский лучше, нежели кто-нибудь другой, должен это знать: ссылаемся на статью г. Ярополка Водянского во второй книжке «Отечественных записок» за нынешний год{21}. Зато, когда является книга в нашем духе, в нашем направлении, но запечатленная ограниченностью и бездарностью, – от нас нет ей пощады. Иначе и быть не может: мы глубоко убеждены, что истина должна защищаться только истиною и что ложь – самый опасный союзник истины, друг, который хуже врага...

Сноски

1

См. «Отечественные записки», 1845, № 3, «Библиографическая хроника», стр. 16{22}.

[^^^]

2

«Москвитянин» пишет: драмМа, вторЫй, шестЫй, в прилагательных употребляет заглавные буквы, равно как и в существительных *иностранного* происхождения, как-то П(п)оэзия, Г(г)амма и т. п.

[^^^]

«Следуя тому же началу (продолжает г. Киреевский), «Отечественные записки» стараются обновить язык своими особенными словами и формами». Вот что правда, то правда, исключая только слова: «следуя тому же началу». Действительно, «Отечественные записки» начали употреблять и употребляют множество новых слов, над которыми другие журналы сперва издевались, а потом сами стали употреблять многие из них. Больше всего из этих слов перешло в «Москвитянин»...{23}

[^^^]

Как образчик особенной логики и добродушного унижения «известностей» напоминаем нашим читателям, что г. Шевыров некогда объявил печатно, что до г. Бенедиктова в русской поэзии не было мысли, и таким образом поставил г. Бенедиктова выше Державина, Жуковского, Батюшкова и самого Пушкина... Он же сделал из Лермонтова подражателя г-ну Бенедиктову...{24}

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

«Репертуар» — ежемесячный журнал «Репертуар и пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. С. Межевичем и И. П. Песоцким»; «Театральная летопись» — еженедельное приложение к нему.

[^^^]

2

Речь идет о переходе редакции «Москвитянина» в руки И. В. Киреевского с № 1 за 1845 г. — попытке со стороны славянофилов сделать журнал более последовательным органом их направления, более содержательным и интересным. В трех первых номерах этого года, помимо большого «Обозрения современного состояния литературы», Киреевским велся отдел библиографии и т. д. Однако И. В. Киреевский оказался не в силах вести большую редакторскую работу и противостоять М. П. По-

годину как издателю журнала. С апреля 1845 г. Киреевский от редактирования журнала отказался.

[^^^]

3

Упоминание здесь двух постоянных сотрудников «Москвитянина», оставшихся и при новой редакции, имеет особый смысл. Поэт М. А. Дмитриев и автор заметок биографического и библиографического характера Н. Д. Иванчин-Писарев – эпигоны карамзинского направления. Оба известны как враги «Отечественных записок» и Белинского (Дмитриеву принадлежали несколько стихотворных памфлетов на критика). С № 1 1845 г. «Москвитянин» выходил в обложке с рисунком московского Кремля.

[^^^]

4

Это характерное сравнение – лишний штрих, указывающий, в кого метил Белинский своей иронической интерпретацией героя повести Ивана Васильевича в статье о «Тарантасе».

[^^^]

5

Таково обычное для Белинского демонстративно-презрительное игнорирование этого журнала. Ср. еще упоминание о «каком-то «Маяке», который «не знаем, где издается и даже издается ли где-нибудь в самом деле» (Белинский, АН СССР, т. VI, с. 394).

[^^^]

6

Указывая на «теологический», а не литературный характер «Маяка», Белинский намекает на мракобесные, в духе официального православия тенденции этого журнала.

[^^^]

7

См. об этом «Литературные и журнальные заметки» из № 3 «Отечественных записок» за 1843 г. – наст. изд., т. 5, с. 422–424.

[^^^]

В цитате из «Обозрения современного состояния литературы» (см.: Киреевский, т. I, с. 168) курсив Белинского. Выделение курсивом фамилий Баратынского, Языкова и Хомякова, по-видимому, означает, с одной стороны, что Белинский не ставит этих поэтов в один ряд с такими, как Державин, Карамзин, Жуковский, а с другой – признание того, что они действительно были объектами критики «Отечественных записок» (ср. отзывы о поэзии Хомякова и Языкова в статьях «Русская литература в 1844 году» и «Иван Андреевич Крылов»; статью о стихотворениях Баратынского 1842 г. – см. наст. изд., т. 5).

[^^^]

Имеется в виду статья А. Ф. Мерзлякова о «Россияде» М. М. Хераскова в журнале «Амфион» (1815, № 1, 3, 5–6, 8–9).

[^^^]

В «Московском вестнике», который издавал Погодин и в число сотрудников которого был также И. В. Киреевский, были напечатаны две статьи с критикой «Истории государства Российского»: «Нечто против мнения Н. М. Карамзина о начале российского государства» М. П. Погодина (1828, ч. VII) и «Замечания на II том «Истории государства Российского» Н. С. Арцыбашева (1828, ч. XI). Упоминание здесь о И. В. Киреевском также имеет полемический смысл. Ведь он был автором статьи «Нечто о характере поэзии Пушкина» в «Московском вестнике» (1828, ч. VIII), содержавшей критические суждения о поэте, в частности о «Евгении Онегине».

[^^^]

11

Имеется в виду большая критическая статья Н. А. Полевого об «Истории государства Российского» («Московский телеграф», 1829, ч. XXVII). Об этом Белинский позднее подробнее писал в брошюре «Н. А. Полевой» – см. наст. изд., т. 8.

[^^^]

12

Имеются в виду статьи Н. И. Надеждина: «Две повести в стихах: «Бал» и «Граф Нулин» («Вестник Европы», 1829, № 3), «Полтава», поэма А. Пушкина» (1829, № 8), «Евгений Онегин», роман в стихах. Глава VII. Сочинение Александра Пушкина» (1830, № 7).

[^^^]

Ср. в басне И. А. Крылова «Ларчик».

[^^^]

Речь идет о рецензии Белинского на «Парашу» И. С. Тургенева – см. наст. изд., т. 5. Именно эта рецензия, где дан положительный разбор поэмы Тургенева, где высоко оценивается его талант и где говорится о «прекрасном даровании» А. Н. Майкова, и послужила поводом И. В. Киреевскому для его критики.

[^^^]

15

Ср. Киреевский, т. I, с. 169–170.

[^^^]

16

Слова Чацкого из «Горя от ума» (д. III, явл. 10).

[^^^]

17

Цитата из статьи третьей «Обозрения современного состояния литературы». Курсив Белинского. Далее Киреевский прямо указывал: «Читатели, догадываются, конечно, что я говорю о том славяно-христианском направлении, которое, с одной стороны, подвергается некоторым, может быть, преувеличенным пристрастиям, а с другой, преследуется странными, отчаянными нападениями, насмешками, клеветами» (Киреевский, т. I, с. 173).

[^^^]

18

Жан-жакист – то есть последователь Жан-Жака Руссо (подобная форма встречалась уже в «Письмах русского путешественника» Карамзина); *жан-навлист* — то есть подражатель Жан Поля Рихтера.

[^^^]

19

Доктринерами первоначально называли партию конституционных монархистов во Франции эпохи Реставрации во главе с Гизо и Ройе-Колдаром, позднее постепенно сложилось общее значение: «тот, кто упорно следует какой-либо сложившейся доктрине, без учета изменений действительности».

[^^^]

Цитата из третьей статьи «Обозрения современного состояния литературы» с небольшим выпуском внутри. У Киреевского после упоминания о гегелианцах следовало в скобках: «выключая, может быть, таких, которые, иногда и не читавши Гегеля, выдают под его именем свои личные догадки» (см.: Киреевский, т. I, с. 172). В скобках заключался, видимо, намек на Белинского и других сотрудников «Отечественных записок» из бывшего кружка Станкевича.

[^^^]

Статья г. Ярополка Водянского – фельетон А. И. Герцена «Москвитянин» и вселенная», опубликованный в № 3 «Отечественных записок» за 1845 г. (отд. «Смесь»; см.: Герцен, т. II, с. 133–140). Сам иронически перелицованный псевдоним, которым был подписан фельетон (О. М. Бодянский – филолог-славист, сотрудничавший в «Москвитянине» и сочувствовавший его направлению; Ярополк – древнеславянское имя), предопределял хлестко-памфлетный характер изложения. Ироническому разбору было подвергнуто содержание № 1 «Москвитянина» за 1845 г., вышедшего под новой редакцией (И. Киреевского). Особо сильные насмешки были направлены по адресу Языкова и Шевырева. Указывалось, что муза Языкова «решительно посвящает... перо свое поэзии исправительной и обличительной» (намек на распространяемые в списках стихи Языкова, направленные против Белинского и западников). Серьезные и отчасти похвальные отзывы получили здесь статьи М. П. Погодина («Параллель русской истории с

историей западных государств») и И. В. Киреевского («Обозрение...»). Но и тут выражалось отрицание славянофильских тенденций их авторов. Так, о статье Погодина говорилось: «Шел в комнату – попал в другую», но попал, увлекаемый истиною». О Киреевском Герцен замечал: «Г. Киреевский стремится доказать, ...что славянский мир может обновить Европу своими началами... Вывод бедный, странный и ниоткуда не следующий!»

[^^^]

22

См. рецензию на «Биографию Александры Михайловны Каратыгиной» В. В. В. (В. М. Строева) – Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 643–644.

[^^^]

«Отечественные записки» непрерывно подвергались нападкам со стороны ряда лиц и изданий («Северная пчела», «Чтения о русском языке» Н. И. Греча и т. д.) за употребление «новых», «непонятных» слов – преимущественно философских и общественно-политических терминов иноязычного происхождения (*абсолютный, абстрактный, конкретный, объект, субъект* и т. п.). Особенно сильными были эти нападения в 1840–1842 гг. (см. об этом в рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова» – наст. изд., т. 3, с. 440–441). Белинский правильно указывает, что к середине 1840-х гг. эти слова стали употребительными и в других органах печати, у писателей других направлений, в частности, их довольно часто можно было встретить в статьях славянофилов – И. Киреевского, Хомякова, Самарина и др. Вместе с тем «Москвитянин» вновь поднял кампанию пуристического толка против «Отечественных записок» в 1845 г. Ср. статью Белинского «Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка» – наст. изд., т. 8.

[^^^]

24

В первом случае имеется в виду статья С. П. Шевырева «Стихотворения Владимира Бенедиктова» («Московский наблюдатель», 1835, ч. III, август, кн. 1). Белинский полемизировал с ней в статьях «Стихотворения Владимира Бенедиктова» и «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (см. наст. изд., т. 1, с. 200–204 и 281–285). Во втором случае речь идет о рецензии Шевырева на «Стихотворения М. Лермонтова» («Москвитянин», 1841, ч. II, № 4).

[^^^]

[^^^]